Вдребезги: GREEN DAY, THE OFFSPRING, BAD RELIGION, NOFX и панк-волна 90-х

Автор:
Иэн Уинвуд

Вдребезги: GREEN DAY, THE OFFSPRING, BAD RELIGION, NOFX и панк-волна 90-х

Иэн Уинвуд

Music Legends & Idols

Большинство книг, статей и документальных фильмов, посвященных панку, рассказывают о его расцвете в 70-х годах – и мало кто рассказывает о его возрождении в 90-х. Иэн Уинвуд впервые подробно описывает изменения в музыкальной культуре того времени, отошедшей от гранжа к тому, что панки первого поколения называют пост-панком, нью-вейвом – вообще чем угодно, только не настоящей панк-музыкой. Под обложкой этой книги собраны свидетельства ключевых участников этого движения 90-х: Green Day, The Offspring, NOF X, Rancid, Bad Religion, Social Distortion и других групп. Панк-рокеры никогда не были по-настоящему успешными или знаменитыми, и так оно и оставалось – пока не произошло обратное. «Вдребезги» – это история о том, как аутсайдеры наконец победили и навсегда изменили ландшафт музыкального мейнстрима.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Вдребезги: GREEN DAY, THE OFFSPRING, BAD RELIGION, NOFX и панк-волна 90-х. Иэн Уинвуд. [пер. с англ. М. А. Степченко];

Дэну Сильверу и Фрэнку Тернеру, моим братьям по панку

Ian Winwood

SMASH!: GREEN DAY, THE OFFSPRING, BAD RELIGION,NOFX, AND THE ‘90S PUNK EXPLOSION

First published in the English language by Curtis Brown Group Limited, UK

Печатается с разрешения издательства Curtis Brown Group Limited и литературного агентства The Van Lear Agency.

© 2018 by Ian Winwood

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Вступление

Странное дело

Я чувствую себя Богом

«Что за розовые сопли распустили тут эти хиппи?» – со злобной усмешкой спрашивает Билли Джо Армстронг. Небесно-голубой облепленный стикерами Фендер Стратокастер болтается на уровне его талии. Мир в глазах Билли меняется со скоростью света. Двадцатидвухлетний парень оглядывает клокочущее море людей и приветствует его:

«Как поживаете, богатенькие ублюдки?»

14 августа 1994 года. Обычное, казалось бы, воскресенье в Нью-Йорке. Полумиллионная толпа наводнила Ферму Винстон в Согертис, чтобы отметить (и

желательно на широкую ногу) двадцать пятую годовщину со дня проведения легендарного музыкального фестиваля «Вудсток». Именно тогда, двадцать пять лет назад, четыреста тысяч человек собрались, чтобы воочию увидеть такие группы, как The Who, Santana, The Jimi Hendrix Experience и прямо со сцены услышать предостережение держаться подальше от «коричневого ЛСД». Спустя четверть века на просторах «Вудстока-94» на смену галлюциногенам пришли амфетамины. В одни из самых жарких дней лета ребята из Metallica, Nine Inch Nails и Red Hot Chili Peppers решили попрать любые идеи мира и любви.

Если вам любопытно, то на грубый вопрос Билли Джо Армстронга толпа ответила так: «Паршиво».

Слова Армстронга звучали особенно цинично, учитывая убогий сельский пейзаж, который раскинулся перед ним. От края сцены до самого горизонта народ стоял насквозь промокший от дождя и по колено в грязи. Зрелище больше напоминало лагерь беженцев, но с той лишь разницей, что вместо скудных пожиток в узелках были бутылки воды по четыре доллара. По роковому совпадению начало фестиваля «Вудсток-94» ознаменовалось ливнем. На протяжении трех дней обезумевшая небесная посудомойка щедро поливала несчастных любителей музыки. Эндрю Мюллер, австралийский журналист, который вел радиорепортаж с места событий для Сиднея, описал эту сцену одним словом: «сральник».

«Я надеюсь, что дождь будет таким сильным, что все вы тут застрянете», – объявил бас-гитарист Майк Дернт, словно хотел испытать судьбу на прочность.

Это лето запомнилось пришествием панк-рока. В Соединенных Штатах свидетелем этого события стала аудитория, которая по численности намного превосходила первых фанатов Ramones в 1976 году. Две крупнейшие группы нового поколения, Green Day и The Offspring, стали полноправными представителями мейнстрима. Третий альбом каждой группы, Dookie и Smash соответственно, продался бешеным тиражом и заработал платиновый статус. И пускай более взрослые слушатели, воочию ставшие свидетелями событий 1976 года[1 - Речь идет о президентских выборах в США 1976 года между демократом Джимми Картером и действующим республиканцем Джеральдом Фордом, повлекших последствия в виде общественных беспорядков и политических скандалов (Прим. ред.).], пренебрежительно относились к новичкам, частенько приговаривая: «Это не панк!», для поколения 1994 года эта музыка была настоящим праздником для ушей. Проще говоря, для новой аудитории они были «трушными».

Билли Джо Армстронг жил в мире, где «выкуривал свое вдохновение», а 18 лет до этого Джонни Роттен из Sex Pistols пел: «Я не работаю, я ебашу на спидах». Похоже, единственное, что изменилось в 1994 году, – предпочтения в наркотиках.

У панк-рока образца 1994 года была армия старых недоброжелателей со своими представлениями о чистом звуке и настоящей безбашенности, но даже они согласились бы, что на Ферме Винстон царил первобытный хаос. Для многих «старичков» хаос был главным мерилом качества жанра. Что, как не хаос, устроил Джон Лайдон, бывший Джонни Роттен, когда на концерте в Нью-Йорке в 1980 году его группа Public Image Ltd. играла на сцене, скрывшись от публики за занавесом? При этом он подстрекал толку к бунту, снова и снова повторяя: «Гребаная тупоголовая аудитория» (справедливости ради, небезосновательно). В том же году хаос вылился на улицы Таймс-сквер после серии концертов The Clash[2 - The Clash – британская панк-рок группа, образованная в 1976 году. Входит в число одной из первых групп, получивших широкую славу в этом жанре музыки. (Здесь и далее – прим. пер., если не указано иное.)] – площадка просто не могла вместить всех желающих.

На ферме «Винстон» разворачивался хаос поистине эпического и опасного масштаба. С радостной беспечностью Green Day предоставили возможность уже и без того сердитой и неуравновешенной толпе выплеснуть свою агрессию. Билли Джо Армстронг позже сказал: «Мне кажется, мы не особо-то хорошо играли на “Вудстоке-94”, будто именно в этом и заключался смысл». К тому времени, как трио перешло к своей традиционной заключительной песне «When I Come Around», в небо по направлению к сцене взметнулись комья грязи. К концу песни платформа, на которой пытались выступать Green Day, больше напоминала картину художника-экспрессиониста Джексона Поллока. В этой одновременно комичной и жутковатой атмосфере рабочие сцены пытались прикрыть грязь листами из пластика. Столь же бесполезной была затея Билли Джо Армстронга оставить свою гитару и швырнуть пару комков обратно в толпу, при этом напевая дурацкую песенку группы Twisted Sister «We’re Not Going to Take It», ставшую гимном бунтующих малолеток.

«Только посмотрите на меня, я настоящий идиот», – объявил он, описывая то ли зрителей, то ли себя, а возможно, и себя, и зрителей.

Спустя сорок пять лихорадочных минут Green Day покинули сцену. Под занавес у Майка Дернта случилась потасовка с охранником, в результате которой басист лишился передних зубов. В воскресенье днем, еще до приезда на фестиваль, главным беспокойством Билли Джо Армстронга была сельская грязь, которая могла угробить его новенькие «Конверсы». Какими наивными и далекими казались теперь эти мысли. Оставив сцену в плачевном состоянии, Green Day (к особому ужасу фронтмена) предстояло покинуть «Вудсток-94» на вертолете.

«За всю мою жизнь только на “Вудсток-94” все висело на волоске от анархии, – сказал Армстронг вашему покорному слуге в 2004 году. – И мне это ни капельки не понравилось».

Но кому какое дело? Встав у руля новой волны панк-рока, Green Day собственными руками разожгли бунт.

Для этой книги я взял интервью у десятка людей, и все они сошлись во мнении: до 1994 года любой музыкант, решивший сколотить панк-группу, с огромной вероятностью обрекал себя на жалкое существование. Металлисты зарабатывали бабки, хип-хоп группы зарабатывали бабки, кантри-исполнители зарабатывали бабки. Но панк-рок не гарантировал ровным счетом ничего.

Сегодня это звучит так странно. После выхода альбомов Dookie и Smash любой, кто решил организовать панк-группу, делал это с пониманием, что его ждут богатство и слава. Правила игры изменились раз и навсегда, пусть на это и ушло восемнадцать лет. Однако немногие авторы пытались хоть сколько-нибудь подробно разобраться в значимости того, что вокалист Bad Religion Грег Граффин назвал «демократизацией панка». С помощью книги, которую вы держите в руках, я постарался исправить этот недочет.

Нет ничего проще, чем сколотить панк-группу. В результате на свете существуют сотни, если не тысячи, панк-групп. Поэтому неудивительно, что многие книги, посвященные андеграундной музыке, можно назвать справочниками, на страницах которых беспорядочно и без всякого смысла мелькают названия групп. В меру своих возможностей я постарался избегать списков, единственная цель которых – обозначить существование тех или иных групп. Приглашение на вечеринку получили только те группы, которые представляют ценность для истории. Из-за этого нам пришлось обойти

вниманием множество прекрасных команд, в особенности T.S.O.L., Adolescents и Fugazi. Поэтому если вы, дорогой читатель, надеялись найти здесь энциклопедию американского панк-рока «от А до Я», то спешу вас огорчить. Однако будьте уверены, что решение отдать предпочтение качеству материала, а не его количеству, имеет веские основания.

Я также решил не вмешиваться в споры о том, была ли Nirvana панк-рок группой. Мне хватило того факта, что они никогда явно не относили себя к этому жанру. В любом случае история, произошедшая на тихоокеанском северо-западе, и без того много раз рассказывалась, притом зачастую довольно хорошо. Другими словами, их оценили по заслугам.

Для нашего рассказа представляют ценность те группы, которые называли себя панками и остались ими до сегодняшнего дня. Если рассказ о миллионерах с блестящей многолетней карьерой может быть рассказом об аутсайдерах, то перед вами именно такая история. Ну а если вам это кажется невероятным, то подумайте вот о чем: до Green Day и The Offspring сама идея о том, что в США можно прославиться, играя панк-рок, была просто немыслима.

За исключением вечно неуловимых Rancid, каждый человек, с которым я хотел побеседовать, с радостью шел мне навстречу, и даже не один раз. Ребята делали это на безвозмездной основе. Подавляющее большинство цитат, представленных в этой книге, взято из интервью эксклюзивно для этого проекта. Другие цитаты позаимствованы из интервью для журналов, написанных в прошлые годы, и помечены соответствующим образом. В некоторых случаях я обращался к журналам Rolling Stone, газетам New York Times и Los Angeles Times со ссылками на источники. Я от всей души благодарен многим людям, которые искренне делились со мной мыслями по поводу этой книги. Я бы, конечно, дописал ее и без них, но книга получилась бы нечитабельной и уж точно не появилась на полках магазинов.

За любые фактические ошибки прошу винить только меня.

Йэн Винвуд,

Камден-Таун, Лондон,

весна 2017

Главный смысл панк-рока всегда заключался в том, чтобы не сидеть сложа руки и не ждать, когда загорится зеленый

«Try This at Home», Фрэнк Тернер

Пролог

Мы отчаянные, привыкайте к этому

Если говорить о пионерах, то эта честь отводится группе The Damned, которая оказала наибольшее влияние на американский панк-рок. Сегодня пальму первенства, как правило, разделяют между собой Sex Pistols и The Clash, но именно The Damned были первой в своем роде английской группой, которая пересекла Атлантику и подарила свой прекрасный хаос публике из Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Бостона и Нью-Йорка. Воздействие этих выступлений особенно сильно ощущалось в Лос-Анджелесе, где панк-сообщество не спешило зарождаться и неохотно объединялось.

«У нас были большие надежды, потому что с выходом в феврале их дебютного альбома [Damned Damned Damned] The Damned подвинули The Clash с пьедестала нашей любимой английской группы, – вспоминает «лицо» лос-анджелесской панк-сцены Плезант Геман в книге Джона Доу Under the Big Black Sun: A Personal History of L.A. Punk. – [Тот вечер], когда The Damned сыграли в клубе Starwood, стал для нас настоящим откровением, а также в некотором роде узаконил панк-сцену Лос-Анджелеса».

Зарождение панка происходило в пробирке Британских островов. На легендарном концерте Ramones в клубе Roundhouse в лондонском Камден-Тауне в 1976 году гитарист Джонни Рамон посоветовал участникам зарождающихся английских панк-групп заниматься своим ремеслом без промедления и страха. The Damned с величайшим энтузиазмом прислушались к этому совету. Уже на следующий вечер группа отыграла свой первый концерт. Сингл «New Rose»,

выпущенный на семидюймовой пластинке, стал первым релизом этих пионеров английского панк-рока

Будто возвращая должок Джонни Рамону, The Damned вскоре вдохновляли целые залы американских панков. На концерте в клубе Starwood группа из Лондона попросила аудиторию одолжить немного мелочи, и тотчас на них посыпался дождь из монет. По крайней мере, этот болезненный душ был шагом вперед, по сравнению с цунами из плевков, который обрушивался на группу во время каждого выступления в Британии. После и между сетами солист Дэйв Вэньен, гитарист Брайан Джеймс, басист Кэптен Сенсибл и барабанщик Рэт Скэбис позировали для камеры Polaroid со своими американскими фанатами, иногда взимая за эту привилегию по десять или двадцать долларов.

Помимо своей музыки The Damned принесли в Лос-Анджелес дух независимости. В отличие от Sex Pistols и The Clash, они не сотрудничали с крупным лейблом. Как сингл «New Rose», так и альбом Damned Damned Damned вышли из-под крыла невероятно бюджетной английской компании Stiff Records. У лейбла так плохо обстояли дела с финансами, что спустя две недели после производства первого альбома The Damned продюсер Ник Лоу записал поверх их мастер-ленты песню Элвиса Костелло «My Aim Is True». В другой раз The Damned пришли в лондонский офис лейбла с требованием денег, но Дэйв Робинсон, владелец лейбла, выволок их на улицу и вызвал на бой. А еще компания напечатала футболки с лозунгом «Если это не Stiff, то это ни черта не стоит».

Словно подчеркивая статус The Damned как главной панк-группы Лос-Анджелеса, Дэйв Вэньен был избран звездой обложки недолговечного журнала Slash (Джонни Роттен удостоился передовицы только в третьем номере). Спустя год после того, как Slash впервые попал в музыкальные магазины и газетные киоски, издание расширилось за счет одноименного звукозаписывающего лейбла, на котором вышли альбомы таких ярких звезд Лос-Анджелеса, как X, The Germs, Fear и других.

Лонг-Бич, 1979 год. Гитарист Black Flag Грег Джинн выпускает свой дебютный EP Nervous Breakdown силами собственного лейбла SST. Осознав, что вряд ли получится найти лейблы, согласные сотрудничать с его грозной группой, Джинн решил прошерстить справочники в поисках оборудования для производства виниловых пластинок и отправиться в одиночное плавание. Уровень независимости, который пульсировал в жилах его группы Black Flag, достигал порой опасных значений. Следуя примеру легендарных Ramones, группа

гастролировала в фургоне, порой без остановки слушая альбом-блокбастер Eliminator за авторством бородачей из ZZ Top. Они путешествовали в таком нищенском положении, что были вынуждены питаться белым хлебом и собачьим кормом: из последнего делали котлетки в форме бейсбольных мячей, которые съедали со сверхзвуковой скоростью. До распада группы в 1986 году Black Flag успели выпустить серию странных альбомов на SST. Жестокие копы из полицейского управления Лос-Анджелеса регулярно срывали их концерты без особых на то причин, а лишь потехи ради.

«Это звучит забавно, но сегодня я рассказываю ребятам, что в 1980-х панк был по-настоящему опасным делом, – вспоминает Декстер Холланд, фронтмен The Offspring, самой знаменитой группы из округа Ориндж. – Тебе кажется, что это угарно – выкрасить волосы в синий цвет, но в 1984 году за такое запросто могли поколотить».

Вытравить нигилизм и насилие из Лос-Анджелеса и соседнего округа Ориндж было нелегко. Панк-сборища таили в себе опасность. На концерте X один из зрителей получил ножом в спину в прямом смысле этого слова и без веской причины. Проблемы не обошли стороной и группу Suicidal Tendencies с Венис-Бич. Их разноплановый одноименный дебютный альбом был признан худшим в 1982 году по версии самого влиятельного панк-журнала Лос-Анджелеса Flipside, который был возмущен столь наглой мешаниной из панка и метала. В то время единственными, кто мог терпеть ST, была армия любящих помахать кулаками недобандитов, которые прозвали себя «суицидниками».

«В те времена насилие на концертах лилось через край, и это еще мягко сказано, – вспоминает Фэт Майк, лидер NOFX, одной из старейших панк-групп Лос-Анджелеса. – Но именно это нас и подстегивало. Тебе кажется, что ты неуязвим, даже если каждое шоу с пятью сотнями зрителей не обходится без десяти-двадцати серьезных потасовок. Я помню, как пришел с другом на концерт, он нагнулся к питьевому фонтанчику, а кто-то просто заехал ему по голове, выбив несколько зубов. Другому моему корешу треснули по харе разбитой бутылкой, раскрошив ему три зуба. Однажды я был на концерте группы The Dickies в маленьком клубе, и один мой знакомый всадил нож в моего друга, и нам пришлось срочно доставить его в больницу. Он чуть не умер. Поэтому я ничуть не преувеличиваю, когда говорю, что те времена были очень жестокими».

Главную угрозу для панк-сообщества Лос-Анджелеса представляли копы, готовые при первом же удобном случае пустить в ход свои дубинки. За их действиями стоял неулыбчивый комиссар Дэрил Гейтс, который будет изгнан со своего поста после беспорядков, охвативших город в 1992 году. «Гейтс ненавидел все субкультуры, даже панков», – вспоминает Декстер Холланд. Усердные патрули копов с радостью разделяли неприязнь руководства к панкам и подкрепляли ее рукоприкладством. Концерты регулярно срывались, а зрителей избивали. Беспорядки происходили на шоу Black Flag и Ramones. Конная полиция разнесла в щепки декорации ненавистной им группы Fear на уличном фестивале в Лос-Анджелесе, тем самым обеспечив еще один бунт. Выступление прожженных провокаторов Dead Kennedys в мемориальном комплексе Longshoremen Memorial Hall в промышленном районе Уилмингтона завершилось тем, что полицейские окружили здание, а затем ворвались внутрь и приказали всем разойтись по домам.

«Я помню, как прятался под столом, когда началась заварушка, – вспоминает Декстер Холланд, которому тогда было семнадцать лет. – Мы с друзьями наивно полагали, что нас не тронут, ведь мы не сделали ничего плохого. Внезапно в ход пошел слезоточивый газ. Не знаю, доводилось ли вам видеть баллончик со слезоточивым газом. Упав на пол, он издает характерный шипящий звук. Тогда я подумал: “Вау, я ведь еще никогда не чувствовал запаха слезоточивого газа, пойду-ка заценю, что это такое”. Если честно, приятного было мало. После этого я решил прорваться к одному из выходов, где, разумеется, толпились люди, которые отчаянно пытались вырваться наружу. Идти было некуда, но я помню, как полицейский орал на меня: “Уебывай отсюда!” Меня так сильно огрели дубинкой, что мне почудилось, будто я сломал руку. Было чертовски больно. Может быть, после этого случая мне резко перестали нравиться копы».

Частично первая волна южно-калифорнийского панка была пропитана атмосферой темных подворотен. «Пойду погуляю, / чем-нибудь закинусь, / если я не остановлюсь, / то закончу в могиле», – пел Кит Моррис, первый солист Black Flag, в песне «Gimmie Gimmie Gimmie», в то время как остальная группа грохотала на фоне, словно обеденный сервиз в стиральной машине. Моррис покинул группу на заре ее существования, когда Грег Джинн узурпировал в ней власть. Одурманенный алкоголем и кокаином, Моррис затем сколотил свою влиятельную группу под названием Circle Jerks. На своем дебютном альбоме Group Sex он радостно объявил: «Я был таким конченым… Я потерял голову». В то же время другая хулиганская группа из округа Ориндж – Social Distortion – пела о девочке-аутсайдере, которая «закидывалась эфедрином» и «занималась сексом в пятнадцать». Но самыми отмороженными провокаторами были Fear.

«Стащи бабло у своей мамаши, / купи пушку», – задушевно пел Ли Винг в «We Destroy the Family». Также группа с довольно воинственным настроем коснулась насущных политических тем. «Ненависть – это чистота, / слабость – это болезнь, / мы вас похороним», – такое откровение прозвучало на треке «Foreign Policy». Последние строки были цитатой слов Никиты Хрущева, которые он адресовал западным послам на приеме в польском посольстве в Москве в 1956 году, в ранние годы ядерной эпохи.

Пожалуй, из всех южно-калифорнийских панк-коллективов того периода особняком стоят X. Группа сформировалась в 1977 году, после того как бас-гитарист и второй вокалист Джон Доу вместе с гитаристом Билли Зумом наняли Иксен Червенку, которая была соавтором текстов Доу, и барабанщика Диджея Бонбрэйка. X обладали удивительным даром наполнять свои песни тревожной и зловонной атмосферой, так что у слушателя натурально начинала кружиться голова. Они бесспорно были самыми изобретательным и значительными из первых панк-групп Города ангелов.

«Первыми панками, на концерте которых я побывал, были X, – вспоминает Фэт Майк. – Дело было в Whisky a Go Go в Голливуде. Мне тогда было четырнадцать. Мой друг обманом выманил меня, сказав, что мы идем в кино. Тем вечером все изменилось. Энергетика, музыка, прикиды зрителей, их вид… Я подумал: “Понятия не имею, что это такое, но я хочу стать частью этого”».

В 1980-м группа выпустила свой дебютный альбом Los Angeles, пластинку из девяти острых как бритва песен. Эта работа пропитана беспределом высшей пробы. Титульный трек был вдохновлен подругой группы, Фэррой Фасесс Майнор, которая оставила Лос-Анджелес и уехала в Англию вслед за Кэптеном Сенсиблом из The Damned. В песне ее решение отправиться в путь объясняется глубоким разочарованием в городе. «Ей пришлось уехать из Лос-Анджелеса, – поет Доу, – [потому что] она начала ненавидеть каждого негра и еврея, / каждого мексиканца, который поливал ее дерьмом, / каждого гомосексуалиста и праздного богача». Очевидно, песня содержит самую грубую лексику. При небрежном отношении слова песни легко истолковали бы как точку зрения авторов, а не персонажа, о котором они поют. Мораль ранних работ X зиждется на беспристрастной подаче. Слушатель волен поступать с информацией, как хочет. X не утруждают себя объяснениями, что такое хорошо и что такое плохо. Их песни напичканы потерянными персонажами, которые ищут свое место в Лос-Анджелесе, где «день в мгновение ока сменяется ночью».

«X – это группа, определившая лос-анджелесскую панк-сцену бескомпромиссным содержанием своих песен, которые вызывают у слушателя приступ клаустрофобии», – писал Грейл Маркус в своей книге «The Fascist Bathroom». Он добавил, что «видение X целостное, не вторичное, а и их цель – дискредитировать любое мнение, которое гласит, что в жизни есть нечто большее, о чем они поют».

Мир хаоса и опасности лос-анджелесского панка был спасен от забвения силами режиссера Пенелопы Сфирис. Она успела побывать сценаристом ситкома «Розанна», однако ее первая попытка в документальном кино увенчалась рождением картины, которая в 2016 году была включена Библиотекой Конгресса в Национальный реестр фильмов США как «имеющая культурное, историческое или эстетическое значение». «Падение западной цивилизации» – полуторачасовая лента, которая рассказывает о таких группах, как X, Fear, Black Flag, Circle Jerks, The Germs, Alice Bag Band и Catholic Discipline. Съемки концертов перемежаются с отрывками неформальных интервью, включая мнения поклонников и участников движения. Фильм наделал столько шуму, что вскоре после премьеры летом 1981 года уже известный нам комиссар Дэрил Гейтс написал открытое письмо с требованием запретить фильм в Лос-Анджелесе. Перед первым публичным показом на экране высвечивалось предупреждение: «Смотреть фильм в кинотеатре, где обеспечены все меры безопасности и никто не пострадает». Это предостережение лишь на первый взгляд казалось надуманным.

«Мне еще не доводилось видеть реакцию аудитории на фильм, и вот после показа в зале встает женщина, и я слышу ее вопрос: “Как вы вообще можете жить на свете и прославлять эту нехристь?” – вспоминала Пенелопа Сфирис несколько лет спустя. – Таким был первый отзыв, что я услышала!.. Но если вам удалось вызвать такую отрицательную реакцию, то, возможно, через лет тридцать-сорок на ваше детище будут смотреть уже под другим углом».

Шок от просмотра «Падения западной цивилизации» лишь частично можно объяснить физической и музыкальной жестокостью, которой изобилует лента. Куда сильнее бросается в глаза атмосфера беспросветного нигилизма. Практически все, что попадает в кадр, кажется чужим и оторванным не только от человеческого общества, но от самой реальности.

Дарби Крэш, фронтмен группы The Germs, продемонстрировал это, как никто другой. Урожденный Ян Пол Беам, Крэш был на самом деле добрым и милым

парнем. В детстве мать купила ему пишущую машинку, и на ней он мог целыми днями сочинять стихи, уединившись в спальне, откуда выходил лишь для того, чтобы поесть. Когда The Germs впервые начали выступать в Лос-Анджелесе, другие группы, такие как X, отказывались воспринимать их всерьез, и на то была веская причина – The Germs не умели играть. Дарби Крэш пытался скрыть это, умышленно травмируя себя на сцене.

«Почему ты из раза в раз истязаешь себя?» – спрашивает Пенелопа Сфирис в одной из самых сильных сцен «Падения западной цивилизации».

«Ну, поначалу я делал это специально, чтобы было весело», – таков был его ответ.

«Что было самое худшее, что ты вытворял с собой?» – спрашивает она.

«В Whisky a Go Go я порезал ногу».

«Как это произошло?»

«Я спустился с лестницы, чтобы типа сыграть на бис, и сиганул на битое стекло… Пришлось наложить около тридцати швов».

С его слов становится понятно, что Дарби Крэш конченый человек. К 1980 году он впал в чудовищную зависимость от героина. Он лишился творческой энергии и работоспособности, в то время как мир стремительно уходил у него из-под ног. 7 декабря в половине одиннадцатого вечера Дарби и его девушку Кейси Колу не пустили на вечеринку в престижном районе Бель-Эйр. Парочка направилась в панк-клуб Hong Kong Cafe на концерт группы Sexsick. Тем же вечером одному из членов дружного (и по большей части девичьего) фан-клуба The Germs под названием «Круг номер один» поступил телефонный звонок от человека, который встретил Крэша и узнал, что тот планирует совершить самоубийство. Обеспокоенного звонившего фаната попросили не беспокоиться, поскольку такие разговоры были обычным делом. На возражения ему ответили: «Расслабься. Иди домой и отдохни. Все будет хорошо».

В тот же вечер Дарби Крэш накупил героина на четыреста долларов. Вернувшись в гараж родителей Кейси Колы, где проживала парочка, певец вколол своей подруге несмертельную дозу. Затем он ввел в свою вену объем

наркотика, способный убить четырех человек. Когда следующим утром Кола проснулась на полу, она обнаружила рядом бездыханное тело своего парня. Впоследствии Кейси рассказывала, что они намеревались совершить двойное самоубийство, но в последний момент Крэш пощадил ее. Менее чем через двадцать четыре часа у здания «Дакота» на Манхэттене Марк Чепмен застрелил Джона Леннона. Под этот сокрушительный аккорд история последних часов жизни Дабри Крэша разнеслась по миру.

Но так не могло продолжаться долго – так оно и вышло. В чистой взрывоопасной энергии панка лос-анджелесского калибра таились изъяны, которые было невозможно исправить. То же самое происходило в пяти часах езды к северу в Сан-Франциско и Ист-Бэй. Многие группы погибли быстрой смертью или изменились до неузнаваемости. У большинства не оставалось выбора. Любая группа, которая решала заявить о себе через музыку, полной ярости, нигилизма и силы, быстро оказывалась в тупике, выбраться из которого под силу только самым талантливым музыкантам. Число американских панк-групп, которым это удалось, можно пересчитать по пальцам.

«Многие из этих групп изменили свое звучание, – говорит Билли Джо Армстронг. – Проще говоря, они пошли на компромисс. Сейчас много кто отзывается об этих группах так, словно они какие-то божества. Но правда в том – и мне очень не хочется использовать это слово, – что они продали свою жопу».

Во второй половине 1980-х даже те панк-группы, которые никто изначально не покупал, торопились поскорее продать свою шкуру. В 1985 году, спустя три года после своего дебютного альбома The Record, Fear выпустили пластинку More Beer – халтурная поделка, банальность которой уже выдает само название. Пластинка отличалась ужасающими текстами, типа «задушу суку и брошу ее в канаве», и таким невнятным звуком, что его можно было воспроизвести, приложив к уху морскую ракушку. В том же году Circle Jerks, надеясь снискать расположение более широкой аудитории, выпустили унылый альбом Wonderful. Шансов на успех у альбома было не больше, чем вероятность найти горшочек с золотом в конце радуги, нарисованной баллончиком на стене общественного сортира.

Для панк-рока наступили смутные времена. В Сан-Франциско Dead Kennedys распались при зловещих обстоятельствах после того, как шайке безжалостных цензоров из PMRC (Родительский центр по делам музыкальной продукции) и

в прокуратуру Лос-Анджелеса были отправлены письма с жалобами от матери, чей сын-подросток купил третий альбом группы Frankenchrist. Причиной возмущения стал вкладыш с «Работой 219: Пейзаж XX», более известный как «Пенисный пейзаж» кисти художника Х. Р. Гигера. Четверо участников группы и другие лица, задействованные в распространении альбома, обвинялись в нарушении уголовного кодекса Калифорнии. Но отсутствие доказательств стало причиной снятия обвинений со всех, за исключением фронтмена Джелло Биафры и Майкла Бонанно, бывшего менеджера лейбла группы Alternative Tentacles. На последующем уголовном процессе жюри присяжных не смогло прийти к согласию, а Верховный суд Лос-Анджелеса отклонил ходатайство о пересмотре дела. Есть основания полагать, что государство поставило под угрозу свободу группы и ее партнеров просто потому, что могло себе это позволить. Отсутствие защиты крупных корпораций сделало их легкой добычей. Это испытание высосало все соки из Dead Kennedys. Через год от группы ничего не осталось.

«Начиная с 84-го до 88-го и даже 89-го панк-рок был мертв, – сказал Грег Хетсон, бывший гитарист Circle Jerks и Bad Religion. – Его низвергли обратно в андеграунд. Все отращивали длинные волосы. Многие бывшие панки внезапно начали играть глэм-рок или спид-метал. За исключением парочки групп, все раскололись или начали превращаться во что-то иное. Лишь единицам удалось выжить».

Острый упадок американского панка в целом и его калифорнийской разновидности в частности вызван не только повальной озадаченностью участников по поводу дальнейшего творчества. Свою роль сыграли также внешние силы. Где-то в Калифорнии начало зарождаться движение, которое небрежно окрестили трэш-металом. Трэш был необузданным и жестоким. В отличие от панк-рок сцены, в нем не было ни показушности, ни натянутой крутизны. С выпуском своего дебютного альбома Kill ‘Em All в 1983 году Metallica намекнула миру, что намечаются недетские перемены. Три года спустя, под руководством продюсера Рика Рубина, Slayer представили скрежещущий и пенящийся Reign in Blood – альбом столь инфернально яростный, что в мгновение ока разделил жанр на до и после. На фоне этого панк просто не мог составить достойную конкуренцию.

В плане текстов панк тоже утрачивал свою способность шокировать. К концу 1980-х рэп приковывал к себе столько внимания, что панку и не снилось. Это произошло не из-за того, что рэперы отказывались от компромиссов, а, наоборот, благодаря их бескомпромиссности. Рэп вскрыл гнойник расовых

проблем, который давно беспокоил американское общество. В то время как панков избивала полиция, вооруженная дубинками, молодые афроамериканцы умирали от пуль. Звучание рэпа было таким опасным и настоящим, что порой казалось угрожающим. Группа из Комптона N.W.A. (расшифровывается как Niggaz Wit Attitudes, или «Ниггеры с характером») попрала все старые порядки своей вооруженной до зубов музыкой. «Я молодой ниггер на тропе войны, / После себя я оставлю кровавую баню / Из подыхающих копов в Лос-Анджелесе», – читал Ice Cube на бескомпромиссном треке «Fuck the Police». По сравнению с этим панк-рок уже не звучал особо шокирующе или круто.

Только в США дебютный альбом N.W.A Straight Outta Compton продался тиражом в три миллиона копий. Такого ошеломительного результата удалось добиться, даже несмотря на то что пластинка была выпущена на независимом лейбле Ruthless. Ошеломительный успех рэп-группы не остался незамеченным ключевыми участниками панк-сообщества. В 1988 году Бретт Гуревич был владельцем лейбла Epitaph и по совместительству гитаристом Bad Religion – он помог основать эту панк-группу еще в подростковом возрасте, но за последние пять лет она не выпустила ни одного альбома. Ребята редко играли за пределами Калифорнии и были практически неизвестны остальной Америке, не говоря уже о других странах. Им удалось продать менее двадцати тысяч пластинок. Даже по меркам панк-рока 1980-х группа была второсортной.

Но к всеобщему (и даже к их собственному) удивлению, весь мир скоро будет чествовать Bad Religion как спасителей американского панк-рока.

Глава 1

Я без злости вас спрошу: как нам выживать в аду?

В записывающей студии, которая располагалась над аптекой, ребятам из Bad Religion сообщили, что они полный отстой. После упорных месяцев репетиций группа распахнула двери Studio 9 на углу Бульвара Сансет и Западной Авеню в Голливуде, чтобы записать шесть песен для их дебютного одноименного мини-альбома. Студийный продюсер, который носил красноречивое прозвище Большой Хер, оглядел парней и поинтересовался, выступают ли они в формате пауэр-трио[3 - Формат рок-группы, состоящей из гитары, бас-гитары и ударных.

При этом гитарист совмещает функции ритм- и соло-гитары.]. Четверо участников переглянулись и сказали: «Эм, ну типа того». С усиливающимся скептицизмом мистер Хер слушал, как группа сбацала свой скромный репертуар из коротких песен. Нахмурившись, он вынес свой вердикт: песни недоделанные, некоторым из них недостает припева. И куда, черт возьми, подевались гитарные соло?

Положа руку на сердце, с тем же успехом можно было попросить тогдашних Bad Religion сыграть шопеновскую «Сонату № 2 си-бемоль минор». Бретт Гуревич и вокалист Грег Граффин написали по три песни, которые в совокупности длились чуть больше девяти минут. Из этих песен две, «Politics» и «World War III», отличались головокружительной скоростью, столь характерной для южно-калифорнийского панк-рока. Для них Большой Хер с его претензиями был уже доисторическим ископаемым.

Грег Граффин, Бретт Гуревич и бас-гитарист Джей Бентли сколотили Bad Religion в 1980 году. Первоначальное трио состояло из учеников школы «Эль Камино» в Вудленд-Хиллз. Гуревичу было семнадцать, Граффин и Бентли – на два года младше. Затем к ним примкнул школьный приятель-барабанщик Джей Зискраут, и первый состав группы был в сборе.

Ребята еще не знали, что обладали талантом, который заметно выделит Bad Religion на фоне других панк-групп. Грег Граффин был уроженцем Висконсина и во время учебы в начальной школе «Лейк Блафф», что в северной части Милуоки, каждое утро перед занятиями пел в школьном хоре. Под руководством учительницы миссис Джейн Перкинс он вместе со своими не достигшими пубертата товарищами-хористами приходил в музыкальный класс и пел шлягеры, которые крутили по радио, а зимой сюда добавлялись рождественские гимны. Беспощадные шестьдесят минут этих сборищ смягчились тем фактом, что ученикам давали десять минут, чтобы послушать пластинки The Beatles и Led Zeppelin на мощной школьной стереосистеме. Мисс Перкинс сразу заметила таланты Граффина, и вскоре ему выделили стипендию на поездку в летний музыкальный лагерь в Мэдисоне.

«Мы разучивали песни Стиви Уандера и Джеймса Тейлора и исполняли их на концертах перед родителями, – вспоминает Граффин. – Меня часто выбирали солистом, поэтому я пел эти песни с радио, а миссис Перкинс подыгрывала мне на фортепиано. Я никогда не считал себя особо одаренным певцом. Фактически мне казалось, что каждый может петь, как я».

Как бы не так. Со временем аутентичный и высокий голос Граффина станет одной из визитных карточек Bad Religion. Со временем группа даже научилась исполнять трехголосные гармонии. Но на своем дебютном EP они не особо выделялись на фоне остальных групп Лос-Анджелеса, которые делали ставку на задорную энергию молодости.

Их звучание было неотесанным и буйным, музыкальные аранжировки – примитивными, технические навыки – рудиментарными. Однако они на инстинктивном уровне понимали, что такое хорошая мелодия, и этот инстинкт остается с группой на протяжении вот уже более сорока лет. Даже в самых безумных моментах звучание Bad Religion никогда полностью не уходит от поп-музыки.

Выпуск дебютной пластинки Bad Religion раз и навсегда изменил жизнь Бретта Гуревича. Во-первых, он наметил курс на становление одним из самых харизматичных и интересных авторов песен Лос-Анджелеса («Бретт, пожалуй, один из самых талантливых сочинителей в панке», – говорит Фэт Майк, сам далеко не последний композитор в этом жанре). Во-вторых, он стал проницательным бизнесменом и законодателем мод панк-рока.

В 1980 году Bad Religion решили избежать сложностей, связанных с поиском лейбла для выпуска их одноименного дебютного EP, и основали свою собственную компанию. Таким образом они оградили себя от пренебрежения крупными компаниями и разочарования сотрудничеством с крохотными независимыми лейблами. Их собственный лейбл, чьим организатором и владельцем был Бретт Гуревич, получил название Epitaph. Первый релиз компании числился в каталоге под кодовым названием «EPI001».

За стартовым капиталом Гуревич обратился к своему отцу, и тот одолжил сыну пятнадцать тысяч долларов, даже не надеясь отбить свою инвестицию. С этим Bad Religion и Epitaph отправились за оборудованием для производства пластинок, пока Мистер Бретт, как его иногда называют, начал свой путь к становлению импресарио.

Несмотря на то что Bad Religion были практически единственной группой своего лейбла, который просуществовал немногим больше года, – в 1982 году Гуревич также выпустил Peace Thru Vandalism, мини-альбом группы Vandals – лейбл и группа, для которой он был создан, невозможно представить друг без друга.

Спустя год после своего выпуска «EPI001» продался скромным, но вполне жизнеспособным тиражом в пять тысяч копий. Достичь этой цифры удалось не без помощи Грега Хетсона, гитариста Circle Jerks, который занимал более высокое положение в панк-иерархии, чем участники Bad Religion. И по сей день этот ритм-гитарист и ярый фанат хоккея остается одним из самых узнаваемых героев-старожилов лос-анджелесской сцены.

Одним вечером Грег Граффин и Джей Бентли встретили Хетсона в Oki-Dog, круглосуточной хот-дог-забегаловке на пересечении улиц Уиллоуби и Франклин в Голливуде. У Граффина оказалась кассета с записями его группы, которую он вручил Хетсону. Тот с благодарностью принял ее и пообещал, что, если ему понравится, он позаботится о том, чтобы их музыку поставили на «Rock Radio Show» – полуночной передаче на самой влиятельной радиостанции страны, KROQ, на которой Хетсон будет гостем в ближайшие выходные. И он сдержал свое слово.

«Oki-Dog – это круглосуточная сосисочная, где после концертов тусовались панки, – вспоминает Хетсон. – Уж не знаю, поверил ли мне Грег, когда я пообещал поставить их музыку в эфире радио-шоу, но я был настроен серьезно. Тогда взаимовыручка была в порядке вещей. Мы прикрывали друг друга. Короче, я вручил кассету “ROQ” со словами: “Это новая группа из долины [Сан-Фернандо]”, – и они поставили их в эфир. Кажись, это была демозапись, которая вроде бы стала их первым синглом. Так я с ними и познакомился, и после этого мы подружились».

Чтобы записать свой грядущий полноформатный альбом, Bad Religion, как и многие группы в их положении, вынуждены были распрощаться со сном. Десять месяцев спустя после выхода их дебютного сингла на семидюймовой пластинке в январе 1980 года все еще подростковая группа принесла свежеиспеченную стопку песен в студию Track Record, что в Северном Голливуде. В течение следующих четырех месяцев они работали над альбомом, который, как ни странно, выйдет лишь год спустя под названием How Could Hell Be Any Worse?. На первый взгляд может показаться, что они слишком уж долго провозились, но это не так. Студия Track Record устроила аттракцион неслыханной щедрости, разрешив подросткам бесплатно записывать свой альбом в ночные часы, пока весь город спал. По факту How Could Hell Be Any Worse? был записан в течение трех месяцев, но то были короткие вспышки маниакальной активности, а не сосредоточенные двенадцать недель работы в студии. Большая часть альбома была записана всего за две ночи в ноябре 1980 года, а половину из

получившихся треков свели в промежуточные дни.

После первоначального всплеска активности группа покинула студию и отправилась сочинять новые песни в «Адскую дыру» – зловонный гараж матери Граффина, который ребята использовали для репетиций. Но затею пришлось отложить из-за внезапной обиды их восемнадцатилетнего барабанщика. Твердо убежденный, что товарищи по Bad Religion не ценят его вклад в общее дело, Джей Зискраут решил без предупреждения уйти из группы. Это случилось так быстро, что он даже позабыл забрать свою барабанную установку. Его заменил Пит Файнстоун – друг ребят, которого можно было назвать роуди[4 - Дорожный менеджер артиста или группы (Прим. ред.).] группы. Затем последовали беспокойные репетиции, во время которых группа пыталась закончить свой альбом, параллельно доводя игру нового участника до нужного уровня. Bad Religion вернулись в Track Record в январе 1981 и за выходные записали двадцать девять минут и пятьдесят четыре секунды музыкального материала, который войдет в их первый двенадцатидюймовый лонгплей.

Сказать, что How Could Hell Be Any Worse? был шагом вперед, по сравнению с их первым EP, – значит, не сказать ничего. В первую очередь эта пластинка отличалась от подавляющего большинства альбомов того времени. Как правило, подростковые группы залитой солнцем Южной Калифорнии имели склонность либо упиваться своей ребяческой безбашенностью, либо из кожи вон лезли, чтобы шокировать аудиторию. Ни то, ни другое не относилось к Bad Religion. Их музыка, пускай и несложная, все же обладала уникальным почерком и была прогрессивной. Смелое и даже безрассудное решение группы собственноручно продюсировать свою пластинку принесло смешанный результат – сегодня звучание альбома кажется каким-то мутным, – но эта врожденная самоуверенность сослужит Bad Religion хорошую службу. Две самые удачные песни альбома – «We’re Only Gonna Die» и «Fuck Armageddon… This Is Hell» (эта песня намного лучше, чем можно судить по ее названию) за авторством Граффина и Гуревича соответственно – вышли такими новаторскими, что спокойно обходились без припевов. Теперь куда больше внимания уделялось музыкальной аранжировке и структуре песен. Но намного четче проступает характерный лирический стиль вокалистов: в нем сквозит какой-то человечный и добродушный пессимизм, который не скатывается до уровня истерики. В тексте песни к «We’re Only Gonna Die» – «человек прошлого исчез, современный человек встал у руля, / его мысли теперь о другом, его единственная цель – война» – Граффин дает ключ к пониманию, в каком направлении устремились его мысли. Бретт Гуревич развивал свой собственный лирический почерк. Гитарист в некотором смысле служил противовесом своему товарищу по группе, для

которого стакан всегда был наполовину, а то и полностью, пуст. Но это лишь отчасти верно. Дни, когда Гуревич сможет написать двустишие типа «Совершил преступление в мягкой обложке, от этого у меня мурашки по коже», еще не наступили, но зарождающийся поэтический стиль явно просматривается в песнях альбома. «У вас два выбора: первый – развернуться и сражаться, / другой – бежать сломя голову в ночь», – такие варианты предложила группа в песне «Into the Night».

Внешний вид How Could Hell Be Any Worse? также заслуживает внимания. Задняя часть и внутренний конверт альбома украшены иллюстрациями Гюстава Доре к кантику Данте Алигьери «Ад». На передней обложке красуется удивительно хмурый снимок Лос-Анджелеса, сделанный известным панк-фотографом Эдвардом Колвером с живописной точки на Голливудских холмах. Конверт альбома был выпущен в красном цвете а-ля «пожарная машина», и в те дни, когда пластинки были размером с коробку для пиццы, все вместе это производило поразительный эффект. Название, написанное заглавными буквами в правом верхнем углу альбома, конечно, отдавало юношеским максимализмом. Назвать Лос-Анджелес «адом» язык не поворачивается, но учитывая тысячи людей, запертых в тесных машинах, малое количество пешеходов, отсутствие зелени и меланхоличную тишину, картина вырисовывается весьма адская. Вдобавок в Лос-Анджелесе то и дело полыхают пожары. По названию («Может ли ад быть хуже?»), которое Bad Religion присвоили дебютному альбому, слушатель может подумать о них как о группе истеричных подростков, которые жалуются, что Лос-Анджелес – это депрессивное, а то и вовсе опасное для жизни место (спустя 22 года после выхода дебютного альбома Гуревич переформулирует вопрос в песне «Los Angeles Is Burning» 2004 года: «Я не злюсь – только спрошу, / как нам жить в этом аду?»). Но каким бы драматичным ни казался этот вопрос, он имел под собой все основания. Даже в солнечной Южной Калифорнии новое поколение открывало для себя панк и использовало его необузданную силу в борьбе против конформизма и спокойной жизни.

«Мне кажется, в то время было полно скучающих подростков. Выходцы из среднего класса, располагающие свободным временем, они ненавидели тот образ, который власть – в лице родителей, учителей, общества – хотела им навязать, – рассказывает гитарист The Offspring Нудлз (при рождении Кевин Вассерман). – Это была реакция против пай-мальчиков, хороших отметок, работы с девяти до пяти, обязательных семейных атрибутов в виде положенных по статистике двух-с-половиной детей, жены и белого забора. Чушь собачья. Народ в основном работал на “Боинг” или на другие предприятия оборонки. В округе Ориндж эта отрасль одна из самых крупных, что объясняет господство

консервативных взглядов. Подросткам просто хотелось восстать против всего этого, против всей этой фальши.

Пускай панк-рок Южной Калифорнии не брал свои корни из бедности, о которой толкуют The Clash. У нас другая история. Наш панк не взялся с концертов на Бауэри (там находился легендарный панк-клуб CBGB). У нас панк-рок играли в самых бедных районах города. Нам не разрешали выступать в престижных клубах с дресс-кодом и официантками в стрингах. Панк-рок оттеснили на задворки захолустных клубов. Или приходилось арендовать какой-нибудь занюханный дом культуры у черта на куличках. Нередко группы играли в сгоревших складах в Лос-Анджелесе. В нашей панк-истории тоже были свои сложности. Но да, многие подростки, которые играли в группах, выросли в пригородах, где живет средний класс».

Первые двадцать песен Bad Religion лишь издалека намекали на то, каких небывалых высот группа достигнет в будущем. Но эти зерна дадут свои ростки. В 1982 году ребята могли, по крайней мере, утешиться мыслью, что десять тысяч копий How Could Hell Be Any Worse? нашли своих слушателей. Может быть, группа не была на пути к покорению вершины, но они точно не сидели сложа руки.

Этот поступательный импульс продлился ровно двадцать два месяца и одиннадцать дней. 30 ноября 1983 года Bad Religion выпустили альбом, который многими знатоками (и даже людьми не особо сведущими) расценивается как один самых необычных релизов, когда-либо представленных панк-рок группой.

Into the Unknown – это туманный, щедро сдобренный клавишами альбом, очаровательная сумасбродность которого никого не оставит равнодушным. Неудивительно, что в 1983 году публика либо не могла понять, что Bad Religion пытались передать в ярких песнях вроде «Time and Disregard», либо просто не могла переварить материал. Панк-журнал Maximumrocknroll так писал о пластинке: «В пучину неизвестности и с глаз долой». Грег Хетсон попытался в добродушно приободрить Грега Граффина: «Да пошли они на хуй, если не выкупили нашу шутку».

«В то время панк-сцена не очень нас привлекала, – говорит Граффин. – Наркотики и насилие брали свое, но меня это никогда не интересовало. Я играл в Bad Religion ради музыки. Когда мы только начали исполнять панк, это была процветающая социальная площадка. Было ощущение, что ты являешься частью

чего-то… Но с 1983-го по 1987-й панк-сцена окончательно развалилась. В лучшем случае она превратилась в разрозненное скопище людей, которые интересовались разными жанрами музыки. Панк-сцена лишилась центрального места встречи. Полиция прикрыла множество мест из-за обстановки с насилием и наркотиками. Было сложно даже играть в панк-группе. Следовательно, в то время у Bad Religion не было четкого курса, и это как раз проявляется в Into the Unknown. Это был хаотичный альбом без какой-то главной идеи. Легко списать его на попытку создать новый музыкальный стиль. Но если вы попробуете взглянуть на эту работу глазами авторов песен [Грега Граффина и Бретта Гуревича], которые действительно любили музыку и не стеснялись экспериментировать, то увидите в ней больше смысла».

Сегодня Мистер Бретт скажет, что Epitaph произвели десять тысяч копий Into the Unknown, но не продали ни одной пластинки. Звучит маловероятно, но, согласно легенде, множество копий альбома закончили свою жизнь в гараже Джея Бентли. Дело принимает еще более странный оборот, если учесть, что к тому времени Бентли уже не состоял в группе. Единственный раз, когда Bad Religion вживую исполняли материал с Into the Unknown, произошел на концерте, который посетили тридцать человек, в клубе Mabuhay Gardens в Сан-Франциско. Граффин начал терять веру, осознав, что панк-концерты собирали такую скромную аудиторию повсюду, даже в таком популярном у панков клубе, как Cathay de Grande в Голливуде. Вдобавок он хорошо понимал, что никого не интересовал новый причудливый альбом Bad Religion. Поэтому он принял решение уехать из Лос-Анджелеса в свой родной штат и поступить в Висконсинский университет. Это привело к тому, что следующие пять лет его группа провела в спячке, от которой пробуждалась лишь изредка.

Никто и подумать не мог, что решение Bad Religion залечь на дно окажется самым разумным для их карьеры. В промежутке между концом 1982 года и весной 1987 года группа дала меньше двадцати концертов. Их сон был настолько крепким, что с ноября 1982 года по сентябрь 1988 года было записано всего пять песен, одна из которых вообще была старой (переработанная версия заглавного трека с их дебютного EP). Когда в феврале 1985 года Bad Religion вновь собрались, чтобы записать мини-альбом под обнадеживающим названием Back to the Known («Обратно к известному»), от предыдущего состава группы остались лишь Грег Граффин и Пит Файнстоун. Место Джея Бентли занял Тим Гальегос из Wasted Youth, а Грег Хетсон заменил Бретта Гуревича на гитаре. Найдя время на свою полузабытую группу, Граффин вместе с Мистером Бреттом спродюсировали десятиминутный EP.

Выход Back to the Known на Epitaph в апреле 1985 года сопровождался одним-единственным концертом Bad Religion в поддержку нового альбома. Среди четырех новых треков, впервые представленных тем вечером, была невероятно заразительная песня «Along the Way», которая в дальнейшем прочно займет место в концертной программе группы. Но из-за того, что Bad Religion едва подавали признаки жизни и не могли похвастаться особой популярностью, третий релиз группы продался тиражом всего в пять тысяч копий. В Лос-Анджелесе и его окрестностях панк-рок потихоньку сматывал удочки. К тому времени Грег Граффин учился на дневном отделении Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Джей Бентли ремонтировал мотоциклы и (кто бы мог подумать!) работал каскадером в кино. Между тем Бретт Гуревич проводил в студии звукозаписи больше времени, чем когда был в составе Bad Religion. Решив полностью посвятить себя этому делу, Гуревич переехал из долины Сан-Фернандо в Голливуд. Прослушав курс в школе звукозаписи, он открыл собственную студию Westbeach Recorders. Именно на этом скромном предприятии он прикладывал все усилия как инженер и продюсер для создания того, что можно было без зазрения совести назвать «партизанской музыкой».

«Все приходилось делать впопыхах, потому что только так ты мог чего-нибудь добиться, – вспоминает Гуревич. – У многих групп, с которыми мне приходилось работать, был скромный бюджет. Они приходили ко мне со словами: “У нас есть триста баксов, и мы хотим сделать запись”. Я отвечал им: “О’кей, за три сотни студия в вашем распоряжении на два дня по десять часов”. Разумеется, в итоге я увеличивал время до шестнадцати часов, потому что именно столько требовалось, чтобы доделать альбом. Мы уходили из студии на рассвете. Я делал все возможное, только бы закончить работу. Я пытался прокормиться, но это было очень, очень сложно. Приходилось жить от зарплаты до зарплаты. Я продавал свои услуги за пятнадцать долларов в час. За эти деньги в вашем распоряжении были студия и я. Существовать в таком ритме было тяжело. Я вкалывал восемнадцать-девятнадцать часов в неделю, но все равно едва сводил концы с концами. Но я научился быстро делать записи, которые при этом звучали весьма недурно».

Стоит отметить, что ни один из этих альбомов или EP за авторством таких разношерстных исполнителей, начиная с Кита Левена из Public Image Ltd. и ранней группы Тома Морелло Lock Up (еще до основания им Rage Against the Machine), не был выпущен на лейбле Гуревича. Компания Epitaph Records, как и группа, для которой она задумывалась, была благополучно забыта и присыпана нафталином. Между выходом альбома Baby… You’re Bummin’ My Life in a Supreme Fashion за авторством панк-группы Thelonius Monster в новый, 1986 год и Head

First от Little Kings тремя годами спустя Epitaph выпустили только одну пластинку. К счастью для них, это будет альбом, который спровоцирует движение тектонических плит.

Третий альбом Bad Religion под названием Suffer родился из разговора между Грегом Граффином и Грегом Хетсоном. Хетсон понимал, что их вокалист с головой погрузился в учебу и совсем позабыл о маленькой, но очень терпеливой аудитории, которая продолжала верить в полуживую группу. «Ты должен дать пару концертов, – сказал Хетсон. – Это может быть забавно». Раз гитарист выступал с этим предложением, это значило, что он тоже автоматически подписывался на дело. В итоге их сотрудничество продлилось более двадцати пяти лет. Не успели ребята хлопнуть по рукам, как Джей Бентли, выскочив из очередного горящего здания, снова взял в руки бас-гитару. Наконец Граффин взял телефон и позвонил другой части команды Bad Religion, которая, как оказалось, на написала ни единой песни за четыре года.

Новости разлетелись по округе: Bad Religion будут играть в недавно открывшемся клубе 924 Gilman Street в Беркли. Группа путешествовала на север в фургоне. Присоединится ли к ним Бретт в качестве гитариста? Именно он был недостающим кусочком пазла для воссоздания классического состава группы, который запишет альбомы Suffer, No Control и Against the Grain – триптих, порой именуемый «Святой Троицей». К глубокому удивлению Гуревича, поездка на север по межштатной автомагистрали номер пять обернулась успехом, который по возвращении в Лос-Анджелес придал группе сил и энтузиазма. Пошли разговоры о том, чтобы сочинить материал для новой пластинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь идет о президентских выборах в США 1976 года между демократом Джимми Картером и действующим республиканцем Джеральдом Фордом, повлекших последствия в виде общественных беспорядков и политических скандалов (Прим. ред.).

2

The Clash – британская панк-рок группа, образованная в 1976 году. Входит в число одной из первых групп, получивших широкую славу в этом жанре музыки. (Здесь и далее – прим. пер., если не указано иное.)

3

Формат рок-группы, состоящей из гитары, бас-гитары и ударных. При этом гитарист совмещает функции ритм- и соло-гитары.

4

Дорожный менеджер артиста или группы (Прим. ред.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/uinvud_ien/vdrebezgi-green-day-the-offspring-bad-religion-nofx-i-pank-volna-90-h

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить